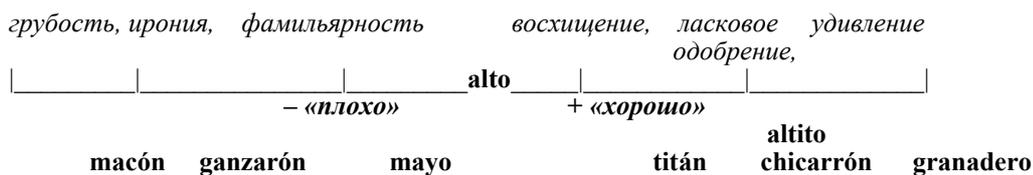

укр. кульгавий [2, с. 472]	исп. cojo [12, с. 908]
2.3. Кривоногий.	
укр. кривоногий [2, с. 464]	исп. (pani)zambo [12, с. 406]
3. Рост.	
3.1. Очень высокий (при этом, как правило, очень худой).	
укр. довготелесий [2, с. 212]	исп. perantón [12, с. 299]
3.2. Очень маленький.	
укр. куцан [8, с. 705]	исп. retaco [12, с. 400]
4. Вес.	
4.1. Очень худой (болезненно худой).	
укр. худий [9, с. 858]	исп. flaco [12, с. 908]
4.2. Очень толстый (тучный).	
укр. товстий [2, с. 1252]	исп. gordo [12, с. 847]
5. Зрение.	
5.1. Слепой.	
укр. сліпий [2, с. 1148]	исп. ciego [12, с. 792]
5.2. Косой.	
укр. косий [8, с. 707]	исп. bizzo [12, с. 402]
6. Волосы.	
6.1. Лысый.	
укр. лисий [2, с. 486]	исп. calvo [12, с. 428]

Каждая из групп имеет внутреннюю шкалу оценок, которая формируется на основе рассмотренных выше факторов. Уже внутри доминанты значения наблюдается движение «вправо» и «влево». В зависимости от того, какой синоним или дериват употребляется в речи, происходит смещение в сторону положительной или отрицательной оценки. Например, в испанском языке синонимом **estropeado** – *калека* являются существительные **mutilado** – *претерпевший изменения вследствие мутации*, **impotente** – *бессильный*, **inutil** – *бесполезный*, **invalido** – *ненужный* [12, с. 375]. Использование их дериватов, образованных при помощи аументатов или деминутивов, приводит к смещениям по внутренней шкале оценок, которая, тем не менее, остается в негативном регистре. В украинском языке происходят аналогичные процессы, но, в отличие от испанского, доминанта значения **каліка** имеет также значение *богомалец (тот, кто ходит по святым местам, или путешествующий богомалец)* [8, с. 79] и, следовательно, может употребляться с положительной коннотацией в определенном контексте.

Движение по шкале оценок при наличии коннотаций в отдельно взятой группе, обозначающей физические недостатки человека, графически может быть проиллюстрировано на примере испанского слова **alto** – *высокий*.

В данной работе предпринята попытка проанализировать категорию оценки как систему, которая живет по универсальным и индивидуальным для каждого из языков законам. В рамках одной статьи невозможно уделить должное внимание каждому из затронутых аспектов данной проблемы, и намеченный круг вопросов может стать объектом дальнейшего исследования.

Список литературы

1. Богуславский В. М. Типология значений образных средств выражения оценки внешности человека. Диссертация в форме научного доклада на соискание ученой степени доктора филологических наук. – М.: Институт русского языка им. А. С. Пушкина, 1995. – 53 с.
2. Великий тлумачний словник сучасної української мови /Уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел. – К.; Ірпінь: ВТФ Перун, 2004. – 1440 с.
3. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. – М.: Наука, 1985. – 228 с.
4. Испанско-русский словарь. Латинская Америка /Под ред. Фирсовой Н. М. – М.: Русский язык медиа, 2004. – 610 с.
5. Испанско-русский словарь/Под ред. Нарумова Б.П. – М.:Русский язык, 1988. – 829 с.
6. Космеда Т. Аксіологічні аспекти прагмалінгвістики: формування і розвиток категорії оцінки. – Львів: ЛНУ ім. Івана Франка, 2000. – 350 с.
7. Нересов Я. Мифы Центральной и Южной Америки. – М.: ООО «Издательства Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 463 с.
8. Словник синонімів української мови:/А. А Бурячок, Г. М. Гнатюк, С. І. Головащук та інші. – К.: Наукова думка, 2001. Т.1. – 1040 с.
9. Словник синонімів української мови:/А. А Бурячок, Г. М. Гнатюк, С. І. Головащук та інші. – К.: Наукова думка, 2001. Т.2. – 954 с.
10. Americanismos. Diccionario ilustrado. – Barcelona: Editorial Ramón Sopena S.A., 2002. – 528 p.
11. Cervantes M. Don Quijote de la mancha. – Madrid: Editorial Alba, 1998. – 672 p.
12. Diccionario ruso-español. Barcelona: Editorial Ramon Sopena S.A., 1985. –960p.
13. Gran diccionario de argot. – Barcelona: Larousse, 2000. – 775 p.

Пышная Л. М.

ПУТИ ДЕОНИМИЗАЦИИ В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Вопросы ономастики и деонимизации, в частности, получили в последнее время очень большое значение в отечественной и зарубежной лингвистике. Прежде всего это связано с тем, что этимология слова не всегда бывает доступной в тех странах, где это слово обретает широкое употребление. Кроме того, имена собственные стали предметом изучения различных других наук, связанных с психологией, философией и даже астрологией. В

последние годы обращаются все больше исследователей и ораторов к тем или иным устойчивым и крылатым выражениям, и круг употребления этих выражений расширяется. Все это вызывает необходимость более детального рассмотрения вопросов, связанных с именовани­ем и деонимизацией.

Очень мало на сегодня изучены и выявлены условия перехода ономастических лексем в разряд слов общей лексики, пути и методы их трансформации, представленность дериватов в словарном ряду, не описаны их языковые особенности на межъязыковом уровне. В результате различные аспекты деонимизации устойчиво сохраняются как признанный предмет дискуссий. Эта проблема частично ставилась объектом изучения на примере антропонимов и топонимов в различных языках. Однако в связи с многогранностью анализируемой проблемы существует необходимость дальнейших исследований в этой области.

Наука, которая изучает имена собственные и совокупность имен собственного словарного состава языка называется ономастикой [1,20]. У Ж. Марузо следующая интерпретация этого понятия: «Ономастика – система собственных имен определенного языка и наука, которая изучает эту систему» [2,178]. В БСЭ два определения ономастики: «1) наука об именах собственных, наименования родов, имен, наций, народностей и географических наименований; 2) отрасль общественных наук вообще, и языкознания в частности, которая посвящена изучению имен, отчеств и фамилий» [3,35].

На современном этапе развития языкознания ономастика стала родовым понятием по отношению к другим наукам, как, в частности, топонимике, занимающейся географическими наименованиями и антропонимике, которая занимается изучением имен собственных людей.

Принцип разделения этих наук характерен как русскому и украинскому, так и немецкому языкознанию. В немецком языкознании ономастика называется «*Namenkunde*», а для антропонимики существует термин «*Personennamenkunde*».

При классификации существительных имена собственные выделяются в особый семантический разряд. Однако лингвисты не просто констатируют сам факт существования этой прослойки, но и подчеркивают ее особый статус. В частности, А.В. Суперанская характеризует имена собственные следующим образом: «Имя собственное – это вторичное название определенного объекта, которое дополняет и уточняет первичное отношение и служит для различения известных подобных объектов друг от друга» [4,15].

Эта дефиниция достаточно полно указывает на особенность имен собственных и их периферийное положение за счет их вторичности, а также четко ограничивает их от имен предметных.

Имена собственные имеют особое положение в связи с тем, что они имеют особую экстралингвистическую направленность, а именно соотносимость с предметом реальной действительности, обходя ступень понятийного обобщения. Имена собственные не подлежат обобщению. Нельзя выделить класс Иванов, Гансов или Волг, который имел бы общий, и в то же время присущий лишь им одним признак.

В лингвистической литературе изучение имен собственных осуществляется всегда в сравнении или противопоставлении с именами предметными, как «по своему значению, так и в соответствии сферы и объема функционирования» [5,42]. А. Бах, в частности, отмечает, что «предметные наименования называют отдельного представителя широкого класса лиц, предметов, явлений» [6,5].

Следующим отличием имен собственных является то, что в них нельзя выделить имя от экстралингвистической данности (денотата). Если вырвать из контекста предметное название, то вне контекста оно может быть не понятным, к примеру *Peter*. Кроме того, они не образуют множественного числа. Антропонимы выполняют кроме всего еще и прагматическую функцию, которая связана с тем, что они используются для выражения эмоционально-оценочных значений. К примеру, *Frau Grete Schulze* можно назвать также *Schulzen – Gretchen*. Т. е. при идентификации одной и той же личности форма имени указывает на различные эмоционально-оценочные установки адресанта. Антропонимы также характеризуются и межъязыковой спецификой, и как правило, непереводимостью на другой язык.

Вопросы, связанные с переходным явлением в области лексики, являются сложными лингвистическими проблемами, которые на каждом новом этапе развития науки о языке не только не теряют своей актуальности, но открываются для исследователей в новых аспектах своей проблематики. Это связано как с особенностями самого процесса перехода, так и с динамикой лингвистической науки. Межкатегориальные транспозиционные процессы являются характерным явлением, позволяющим активизировать все пласты лексики, в том числе и имена собственные.

По сути, круговорот имен собственных в языке является реальным фактом, который заслуживает пристального внимания. Известно, что основным предназначением собственных имен в языке является индивидуализация и идентификация отдельных субъектов реального мира. Имена собственные выполняют тем самым действенную функцию в языке и речи, поэтому они в дополнительной актуализации не нуждаются. Потребность в их актуализации возникает лишь тогда, когда имя собственное приобретает нарицательное значение. На основе имен собственных появляется особая лексика, которую мы называем *деонимами*, а сам процесс – *деонимизацией*. Деонимы есть фактически третичные образования, если принять во внимание то, что они сами по себе уже генетически вторичны.

Деонимное словообразование предполагает ряд закономерностей, которые рассматриваются с точки зрения их взаимодействия с закономерностями словообразования вообще. Под образованием деонимов понимается образование нарицательных имен от имен собственных по установившемуся моделям. При переносе имен собственных на предмет или на предмет учитывается, как правило, особенность того, кто носил, либо носит это имя.

Имена собственные как секундарные образования, организуясь в особый пласт лексики, имеют ряд существенных отличий от своих производящих основ – имена нарицательные.

Личные имена существуют только в обществе и для общества, оно и диктует их выбор, каким бы индивидуальным этот выбор ни казался. Личные имена социальны все и всегда.

Идеальному имени собственному, т.е. имени собственному как родовому понятию на уровне класса, никак не свойственно описывать свой денотат: сигнификация не входит в число его первичных функций. Как особый тип

имен оно специализировано на выделении единичного, указаний и репрезентации его в речи независимо от его класса и признаков. Этим объясняется простой факт: нельзя без ошибки одно и то же назвать и человеком, и котом. «Употребляя нарицательные имена, мы описываем денотаты, а такие два описания несовместимы в одном денотате. ... Идеальное имя собственное предназначено для денотации единичного, но не для сигнификации [7,12]».

Таким образом, нарицательное слово употребляется в речи без индивидуализации, напротив – для генерализации, а имя собственное предназначено в речи только для индивидуализации.

Границы между этими категориями слов не непроходимые, а скорее, как свидетельствует языковая практика, зыбкие. Имена могут «кочевать» из одного класса в другой. Деонимная лексика является пограничным пластом между именами собственными и именами нарицательными. Не все имена собственные могут равнозначно переходить в разряд деонимной лексики. Для этого необходимы определенные условия. Выше подчеркивалось, что имя нарицательное соотносится с общим классом вещей, оно денотативно, понятийно (сигнификативно) и коннотативно, а имя собственное соотносено лишь с индивидуальным денотатом, оно называет и дифференцирует его.

Переход онимов в разряд слов общей лексики может проходить двумя путями: естественным и искусственным. Первый путь развивается стихийно, на протяжении определенного эволюционного времени, слово медленно узусуализируется в национальном языке. Примерами таких деонимов могут служить следующие слова, имеющиеся во многих языках: *силуэт, джерси, коньяк, нарцисс, морфий, гипноз, тарантул, болоньевый* (плащ) и другие. Другой путь перехода в апеллативы более краток, если не мгновенен. Деонимы вводятся быстро в уже существующие лексические системы путем одновременных номинативных актов. Это происходит зачастую в области науки и техники. Именно таким образом создаются термины различного рода, которые связаны с именами собственными.

Искусственные деонимы имеют разную модель образования. Они могут быть абсолютно идентичными относительно онимической основы, но зачастую осложняются деривационным механизмом соответствующего языка. Известно, что словообразование – явление формально-семантическое, и в связи с тезисом об исходном свободном корне, в нашем случае – имя собственное, в него следует включать только классическую деривацию, основывающуюся на принципе нанизывания морфем. Так, названия химических элементов или металлов образуются путем прибавления к онимической основе суффикса – *ий* в русском, в немецком языке – *-ium*: сравним деонимы – термины для обозначения радиоактивного химического элемента, образованные от фамилии русского ученого Д.И. Менделеева: *менделевий* (русс.) – *Mendelevium* (нем.); или деонимы – термины для обозначения минерала, образованные от фамилии французского геолога Ж. Гарниера: *гарниерит* (русс.) – *Garnierite* (нем.). Как видно из примеров, терминология стремится к международной стандартизации, что особенно важно в узких областях науки и техники.

Следует заметить, что объем семантики естественных и искусственных деонимов разный и прагматическая способность неодинакова. Более интересными для исследования являются первые, так как именно они создают речевой колорит и аккумулируют национальные особенности и специфику отдельно взятого языка. Широкое распространение получают деонимизировавшиеся имена персонажей из народных сказок, национальной религии, народных поверий, носители которых выделились своим характером, внешностью, поведением и другими социальными – окрашенными признаками личности. Выделяются многочисленные образы с общечеловеческими пороками как глупость и тупость (нем. *der dumme August, Hanswurst, Heini*; русс. Иванушка – дурачок), хитрость и плутовство (нем. *Der alte Fritz*, русс. *Фомка, Алеха, обьезорить*), рассеянность (русс. *Мама – растеряша*), злость и коварство (русск. *хам, демон, мегера, баба яга*; нем. *Xanthippe*;) и другие.

Однако наряду с отрицательными чертами человеческого характера выделяются через посредство собственных имен признаки, подчеркивающие незаурядную физическую силу человека (нем. *Herkules*; русс. *Геркулес*; русс. *Илья Муромец, Жаботинский*), красота (русс. *Венера, Аполлон*; нем. *Venus, Appollon*).

Метафора, аналогия, сравнения, как правило, дают основание для образования лексико-семантических дериватов, что является показателем того, что категория экспрессивности является неотъемлемым качеством лексического значения всей деонимизированной лексики. Став апеллативами, онимы утрачивают свое индивидуализирующее значение и приобретают образную понятийность. В связи с этим, полагаем, что деонимы являются результатом расширения сигнификативной способности имен собственных на основе метафорического, либо метонимического переносов без изменения формы онима. В этом случае для определения основного вида словообразования в становлении деонимов будет целесообразным употребление комбинированного термина «лексико-семантическая деривация».

Обратимся и к вопросу устойчивых словосочетаний, фразеологических оборотов, в которых имя собственное является фразовым ядром. При переосмыслении словосочетания имя собственное теряет полностью или частично способность семантической дифференциации, идентифицируясь лишь по морфологической форме и орфографическому оформлению, которое не всегда эксплицируется. Оним как таковой «утопает» в общем смысле устойчивого образованного выражения. В фразеологических оборотах, образованных на основе метафоры, хорошо видна интернациональность фразеологических образов, ее непосредственная отнесенность к фондам общечеловеческих, культурных универсальных знаний, хотя формальная эквивалентность при идентичности семантики даже на уровне родственных языков не всегда стопроцентная, а зачастую маркирована семиотическими расхождениями. Сравним сказанное во фразеологических оборотах: нем. *Herkules am Scheidewege*, русс. *Геркулесовы столбы – «предел»*; нем. *Babylonische Sprachverwirrung*, русс. *Вавилонское столпотворение – «хаос»*; нем. *Ein salomonisches Urteil*, русс. *соломоново решение – «справедливый приговор»*.

Отдельные имена из фонда мировой культуры узусуализировались лишь в рамках одного языка, что является показателем ментальных дифференциаций в обработке культурных фрагментов мира: нем. *Seinen Tag von Damaskus erleben* – «переродиться, стать другим человеком», *Zustände wie in altem Rom* – «смута, хаос»; русс. *Полет икара* – «смелое, дерзкое действие», *ящик Пандоры* – «источник несчастий», *вернуться к своим пенатам* – «вернуться в родной дом» и др. Каждый язык наряду с международно-признанными фактами культуры осознает

окружающую действительность через посредство национальных имен собственных которые сводят «к нулю» структурно- семантическую эквивалентность» фразеологизмов, ср.: русс. – *демянова уха* – «навязывание угощения»; *филькина грамота* – «неграмотно составленный документ»; нем. – *grüne Minna* – «полицейская машина»; *Voniface, Hans Liederlich* – «растяпа»; и др.

Таким образом, можно сделать вывод, что, обращение в процессе коммуникации к именам собственным, представляющим уникальный слой естественной лексики в языках, прочно вошло в практику говорящих. Имена собственные можно рассматривать с точки зрения информативности их значения как медиумные средства языка, свернутые культурные тексты, содержание которых актуализируется по мере необходимости. На основе конкретных имен выстраивается ассоциативная цепочка, дающая возможность образовать новые номинации и пополнять тем самым словарь живых языков лексемами, уже имеющимися в языке свой закрепленный статус. Феномен деонимизации заключается в том, что образование нарицательных имен на основе онимов есть неиссякаемым источником развития словаря всех естественных языках.

Источники и литература

1. Лосев А. Ф. Философия имени. – М.: Просвещение, 1969. – 240 с.
2. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. – М.: Наука, 1960. – 330 с.
3. Большая Советская Энциклопедия / Под ред. А.М.Прохорова. – Изд. 3-е. – М.: Советская Энциклопедия, Т.18, 1974. – 632 с.
4. Суперанская А.В. Теоретические основы ономастики: Автореферат дисс. ... доктора наук. – Л., 1974. – 34 с.
5. Мурашов Р. З. Имя собственное в современном немецком языке. – Уфа: Изд-во Башк. гос. ун-та, 1983. – 76 с.
6. Bach A. Deutsche Namenkunde. -Bd.1: Die Deutschen Personennamen-Heidelberg, 1952.-335S.
7. Никитин М. В. О вторичной сигнификации// Коммуникативные аспекты значения. – М., 1990 –78с.

Радзиховская В. К.

СИСТЕМА СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ГНЕЗД КАК ЯДЕРНЫЙ КОНСТРУКТ ПЕРИФЕРИИ ФСК ВЗАИМНОСТИ

Количество ссылок – 8. Здесь впервые показана системность в организации периферии функционально-семантической категории (ФСК) взаимности, не имеющей морфологического центра и опирающейся на местоименную форму *друг друга*, при опоре на онтогенез этой категории и словарные указания на значения взаимности. Словообразовательная парадигматика фрагментов словообразовательных гнезд, сохраняющих семантику взаимных отношений, является ядерным конструктом периферии ФСК взаимности.

Ключевые слова: *онтогенез, квант, протослово, взаимность, конверсив.*

The reference's number is 8. Here we are first shown the systematics of the organization of the periphery of the mutuality's functional semantical category (MFSC) no having a morphological center & leaning upon the pronoun form 'each other' by means of leaning upon the MFSC's ontogenesis & the vocabulary indications of the mutuality's meaning. The nuclear MFSC's construct is the word-formation paradigmatics of the word-formation nest's fragments preserving the semantics of the mutual relations.

Key words: *ontogenesis, quant, protoword, mutuality, converseive.*

Обращение к онтогенезу функционально-семантической категории (ФСК) взаимности для вскрытия ее лексического потенциала, выявления ядерных образований в системе средств выражения взаимных отношений и определения системы словообразовательных гнезд, понимаемой нами как ядерный конструкт периферии ФСК взаимности, методологически целесообразно, правомерно и концептуально обоснованно. Изучение онтогенеза ФСК взаимности опиралось на наши систематические записи спонтанной детской речи в ситуации взаимных отношений с окружением ребенка. Его речевое поведение наблюдалось в периодах формирования слоговой и словесной техники речи, так называемой своеобразной детской речи и речи школьника младших классов. В нашем опыте среди первых речевых контактов отмечается типичное «первое слово» ребёнка «*Дай!*» – факт не единичный и довольно известный. В какой мере это было словом, можно судить по тому, как оно быстро «соскользнуло» на протослово «*дать*» и далее – на более осознанное выражение «*На!*» – «сделай «*На!*»», а затем, что для нас особенно ценно, появилось контаминированное выражение «*Най!*». Это образование «*Най!*» по сути и есть свернутый квант, фиксирующий взаимные отношения с предметом [1, с. 48-67; 2, с. 58, с. 196]. Протослово «*най*» обозначает акт взаимного действия: «дай – возьми». Конверсивы речевых образований, означающие вступление в поле взаимных отношений ([*дай!*] ↔ [*на!*]), реализуются многими детьми, преобразуясь в [*най!*]. Этот квант – первый устойчивый шаг и прорыв ребенка в поле взаимных отношений с окружающими его людьми, вступление в речевое поле взаимных действий с предметом («предметом взаимного интереса»). Специфика языка ребенка показывает, что процесс формирования мысле-речевой языковой деятельности и ее результата носит сложный нелинейный характер и необходимо взаимный характер в самом его основании.

Соответственно лексический потенциал ФСК взаимности в современном русском языке составляют конверсивы (*дать – взять, купить – продать, спросить – ответить* и т. д.) [3], фиксирующие так или иначе полный акт взаимных отношений. Отдельные же слова со значением полного акта взаимных отношений выступают как точечные ядерные образования в пределах ФСК взаимности, которые, формируясь, в свою очередь порождают всю лексико-грамматическую систему выражения взаимных отношений в современном русском языке и составляют ее опорную базу.

Детскому протослову со значением акта реализации взаимных отношений *най* в языке взрослых соответствует глагол *занять* – «взять взаймы»[4]. В нем также заключается цельный акт вступления во взаимные отношения: *занять* – «взять в долг с обязательством отдать». В речи воров, нечестных людей можно услышать глагол *занять* в понимании «взять деньги без отдачи». (На выходе из салона красоты сутенер в поисках денег для расплаты за услуги «размышляет» вслух: *Что ль занять?* – У него, конечно, нет намерения отдавать эти деньги.)

Словообразовательное гнездо, исходным словом (зародышем) которого является глагол *занять*, в той части, в которой оно сохраняет его значение взаимности, составляет базовую структуру, формирующую поле взаимных